

УДК 811.161.Г42

**АНАЛИЗ РАССКАЗА Л. АНДРЕЕВА «МОЛЧАНИЕ»
СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ**

*канд. филол. наук, доц. М.Д. ПУТРОВА
(Полоцкий государственный университет)*

Анализируется достоверность и эффективность описания феномена молчания в одноименном рассказе Л. Андреева с точки зрения постулатов коммуникативной лингвистики и современной теории нарратива.

Феномен молчания, как известно, неоднократно являлся предметом рефлексии в философии, герменевтике, теологии, о нем задумывались писатели и поэты, оставив целый ряд весьма тонких и глубоких замечаний о сущности молчания. Вместе с тем и по сей день оно остается одним из самых непознанных и неисследованных явлений, к изучению которых человек еще только подступает. Он только еще начинает отдавать себе отчет в том, какой это нетронутый пласт - молчание.

Настоящий бум исследований начался с появлением дискурса феминности и, шире, гендера в научной практике самых разных направлений исследования, особенно коммуникативной лингвистики, психологии, культуры, социологии, антропологии. Неожиданные и, как оказалось в дальнейшем, непровержимые факты, острая и весьма проблематичная их интерпретация, открытая политизированность выводов, апелляция к наиболее значимым ценностям в жизни индивида и общества не только привлекли к себе внимание исследователей многих других направлений науки, но и поместили молчание в центр самых разных дискуссий. В течение нескольких десятилетий оно являлось и продолжает оставаться предметом самого пристального внимания лингвистов, психоаналитиков, социологов, культурологов и философов. Неудивительно, что в настоящее время существует множество интерпретаций сущности молчания.

Наше понимание данного феномена солидаризуется с известной точкой зрения М. Фуко и целого ряда современных исследователей, суть которой можно представить в следующем обобщающем утверждении: существует не одно, а множество разных молчаний [1, с. 124]. Более того, наши собственные исследования убедили нас в том, что молчание - это один из кодов общения человека с внешним миром, самим собой и другими людьми, который так же важен для его существования, как и любой другой используемый им код - вербальный или невербальный язык.

Существует множество определений языка. Каждое из них соответствует тем задачам его описания, которые ставит перед собой исследователь. Для настоящей работы важно идущее с глубокой древности понимание его как способа инобытия, позволяющего индивиду обрести мир, полноценно в нем существовать в качестве человеческой личности (см. учение Татиана). Более пристальный взгляд на то, как конкретно осуществляется данное инобытие, неизбежно приводит к необходимости признать огромную роль в нем кода молчания, включающего целое множество самых разных его разновидностей. Важнейшими среди них являются следующие:

- молчание как пространство, в котором разворачивается или существует любой код общения - код самого молчания или любой другой вербальный и невербальный код;
- молчание как знак закрытости канала;
- молчание как бесконечность, пустота, космос, ничто, в терминологии некоторых философов, из которого мы все вышли и в лоно которого неизбежно погрузимся опять;
- молчание как код, как система отдельных молчаливых знаков - силентем, соотносящихся с определенными смыслами. И в этом коде есть знаки как положительных, так и отрицательных смыслов.

Как реализация, так и интерпретация единиц молчания, т.е. силентем, социальны по своей сути. В частности, они могут быть разными в зависимости от гендера коммуниканта.

Так, по данным некоторых известных исследователей и нашего собственного обширного кросс-культурного анализа молчания в аутентичном коммуникативном поведении личности, силентемы, сигнализирующие отключение канала, отстраненность, отчужденность, релаксацию, покой, а также солидарность, поддержку, участие, слушание (особенно), несвободу, уступку, гармонию (в той или иной степени), имеют разную частотность реализации в поведении большинства мужчин и женщин, особенно с учетом сфер и ситуаций общения [2, 3, 4].

Особого внимания заслуживает молчание-гармония, весьма высоко оцениваемое представителями любого гендера. Вот как об этом говорит персонаж рассказа Г. Белля доктор Мурке: «Если бы ты знала, как дорого мне твое молчание. По вечерам, усталый, когда я сижу один, я проигрываю твое молчание» [5, с. 19].

Об этом же твердит героиня В. Токаревой: «Я его понимала. У нас было общее молчание» [6, с. 186]. То есть молчание может нести в себе множество положительных смыслов. Неслучайно оно было включено в перечень наиболее надежных маркеров устойчивого счастья в супружеских отношениях [7, с. 144].

Более того, оно естественно, в чем убеждаешься, наблюдая, как ведут себя дети. В их речевом поведении оно имеет регулирующий и произвольный характер. Неудивительно поэтому, что в специальных исследованиях детства оно обозначается как нулевой концепт ассоциативного тезауруса детства [8, с. 34 - 39]. Правомерно даже утверждать, что мы все родом из молчания. Кроме того, если суммировать основы христианских религиозных практик, то можно сделать заключение о том, что божественное слово изначально противопоставлено слову мирскому. Оно нематериально, свободно от отягощающей телесной, звуковой сущности суетного слова. Бог - это молчаливое слово.

Как же интерпретируют знаки молчания герои рассказа Л. Андреева? Понимают ли они его огромный положительный потенциал, зафиксированный во множестве самых разных силентем - в силентемах сочувствия, понимания, ограждения, уступки и, самое главное, силентемах терпения, внимания, слушания и любви? К сожалению, для них молчание существует только как негатив, как маркер чего-то отрицательного, плохого, как знак беды.

Сказанное верно и о главном персонаже рассказа - отце Игнатии, который, несмотря на свой религиозный сан, оказывается в неведении о божьем, «внятном нам языке молчания». Уместно отметить, что фабульная линия рассказа вовсе не вымысел, а реально имевшее место событие, при этом все его персонажи были знакомы автору. И хотя тема рассказа далеко не евангельская, причастность семьи, особенно одного из главных героев, отца Игнатия, к христианству сразу же придает рассказу другое измерение, сообщает необычайную глубину всему описанию, позволяет писателю косвенно, ненавязчиво передать тончайшие оттенки своих знаний о молчании, жизни, нравственности. Они оказываются соотнесенными с наиболее известным кросскультурным, воистину всенародным мифом, что облегчает обращение к миру читателя, однако делает его неизмеримо более ответственным. Автор вступает в систему самых известных интерпретационных координат в поисках истины. Он смело укрупняет особенности молчания и общения в целом всех персонажей рассказа, внятно называя черное черным, а белое белым, создавая при этом массу полутонов и референций и показывая, в каких причудливых сочетаниях они манифестированы в каждом действующем лице: высокой красавице дочке, жене, бывлой хохотушке Ольге и твердом отце Игнатии, наделяя последнего, призванного вести к смирению, к обретению свободы в вере, несколько большей дозой негатива, стремясь заставить читателя переживать и включаться в неожиданную для него рефлексию по поводу настоящего главного героя обсуждаемого рассказа, его истинной, как теперь принято говорить, message, а именно: сущности, силы, энергии молчания, значимости его кода в жизни личности.

Записки и черновые варианты писателя свидетельствуют, что он не сразу пришел к пониманию центральности кода молчания во всей описываемой им реально случившейся истории. Что были попытки использовать заманчивые перспективы сделать акцент на христианской составляющей сюжета, а также вывести на уровень главной темы женскую судьбу то одной, то другой героини. Молчание как главный смысл, правомерно вынесенный в заглавие автором, пришло только после значительных интерпретационных усилий автора. Блестящий язык писателя, полный точных эпитетов, метких деталей, упорядоченный завораживающим ритмом, мощно апеллирует к области бессознательного в читателе, вскрывая зафиксированный в нем опыт молчания, унаследованный от предыдущих поколений, а также обобщение пережитых им самим бесчисленных актов молчания в реальной жизни.

Молчание в рассказе оказывается не просто неким единичным смыслом или даже набором нескольких смыслов и не коммуникативным актом. Оно - мощный богатый язык, полифония знаков или код, в нашей терминологии. Вот только общение персонажей рассказа осуществляется исключительно с помощью незначительной части единиц данного языка. Так, никто из персонажей не овладел молчанием-слушанием. А это, как показывают данные специальных исследований, а также наш собственный опыт, - знак беды.

Вот каков, вкратце, почерпнутый из жизни сюжет рассказа. Единственная дочь священника, прожив некоторое время в Петербурге, куда она против воли родителей так стремилась, возвращается домой. И замолкает. Все усилия матери поговорить с дочерью оказываются тщетными. Равно как и сделанные по ее настоянию попытки отца. Последний также весьма решительно замолкает в ответ, апеллируя к дочери с помощью молчания-пренебрежения, молчания-наказания. Неожиданно дочь заканчивает жизнь самоубийством. И тут уж в безысходности, пережив удар и потеряв способность к движению, замолкает мать. В результате дом отца Игнатия полностью погружается в молчание. Молчание-негатив, существовавшее в таком коде, оказалось сильнейшим потрясением для гордого отца Игнатия. «Каленый поп», как

его называет один из небезосновательно недолюбливающих его прихожан, оказался настолько выведенным из своего уверенного привычного состояния, что начинает пересматривать свои позиции в мире, заново интерпретировать весь пройденный им жизненный путь. И вот он уже вовсе не прежний уверенный правитель духовной жизни своей общины, а только всеми силами поддерживающий иллюзию твердости и власти старик, пытающийся уверить себя в правоте своей жизненной позиции. Весьма проблематично, как он переживет обрушившееся на него испытание молчанием, в котором наслаиваются друг на друга молчание ушедшей дочери, молчание-могила отходящей в иной мир жены и молчание всего окружающего мира. Переживет не в смысле самоубийства, а глубже. Ведь «есть связи, которых нельзя уничтожить без непоправимого ущерба для души» [10, с. 398]. Или без ее возрождения в новом ракурсе.

Откуда? За что? Как все это могло случиться? Кто виноват? Ведь только не я! Как быть? Как жить дальше? Вот те мысли, которые занимают отца Игнатия весь день и все ночи, которые «все теперь стали у него бессонными» [9, с. 201]. Действительно, как же все-таки так случилось, что неожиданно-негаданно для него в его семье сошлись, встретились столько молчаний? Молчание дочери, и его собственное молчание, и молчание - полная растерянность и крах матери.

Скорее всего, начиналось все с отсутствия молчания-слушания в арсенале коммуникативных средств личности. Никто в его семье не умел слушать, даже мать, в молодости хохотушка и веселая душа, любящая шутку и веселый разговор. Говорение было настолько золотом для нее, что, даже чуя неладное и видя сопротивление дочери, она тянула ее на разговор, вполне возможно, только усугубляя ситуацию, которую все-таки можно было бы спасти молчанием. Молчанием-слушанием, молчанием-участием, молчанием-пониманием, молчанием-тактом и, главное, молчанием-любовью. Вот и не узнала мать, о чем молчит дочь. А ведь мы, помимо всего прочего, молчим о главном [11]. И это главное не только в разговорах, т.е. говорении, выясняется. В значительном количестве случаев оказывается важным прежде всего умение слушать или, говоря «лингвистическим» языком, владеть силентемой слушания. Отсутствие такого умения - знак беды. Видимо, поэтому, суммируя громадный жизненный опыт, народная мудрость говорит: слово серебро, а молчание золото.

Конечно же, хохотушке тяжело было ужиться с отцом Игнатием, имевшим обыкновение молчать в быту. Именно с такого молчания и начинается рассказ. Именно оно является типичной особенностью поведения мужчин в частной сфере, о чем свидетельствуют данные некоторых исследователей феномена молчания, а также результаты нашего собственного многолетнего кросскультурного анализа коммуникативного поведения мужчин и женщин [12]. Именно через преодоление отчужденности из-за такого молчания прошли все зафиксированные нами пары, достигшие гармонии в своих отношениях. Силентемы такого молчания весьма разнообразны. Чаще всего это молчание-релаксация, молчание-отдых или обдумывание, или, наоборот, отключение канала, уход в себя. Но нередки и более трудные для окружающих формы: молчание-пренебрежение, молчание-безразличие, молчание-невнимание, молчание-насмешка и т.п. Такие силентемы в поведении мужчин в домашней сфере зафиксированы многими исследователями,¹ практически, во всех патриархальных культурах. Они видятся как типичные. Не менее типична оценка данного молчания женой отца Игнатия - ей кажется, что только ее мужу свойственно такое молчание, она в сердцах называет его безжалостным именно из-за характерной молчаливой реакции в ответ на ее просьбу. На самом деле, особенностью исследуемой автором ситуации является вовсе не уникальность молчания главы семейства в домашнем кругу, а то, что с ним не справляется хохотушка-жена. И вместо покоя, понимания, гармонии в доме поселяется молчание-напряжение. Жена и мать для понимания ищет говорения. Молчание для нее только отрицательный смысл. Да и для отца Игнатия тоже. «Скажи, тебе будет легче», - говорит он дочери, желая ей добра и искренне веря в то, что он говорит, может быть, даже и не подозревая, что мы, по глубокому замечанию Бунина, молчим о главном, и что это главное постигается в молчании-слушании, молчании-любви. А ведь дочь его, скорее всего, именно о главном и замолчала. Именно в него она погрузилась, как в бездну, ибо поддержки-понимания не оказалось нигде - ни в Питере, куда она с надеждой уезжала, ни в семье.

Правомерно обратить внимание на типичность приоритета говорения в представлении значительного количества людей. Если не большинства. Не только отец Игнатий взывает к говорению. Целые культуры делают акцент на говорении, считают его единственным средством достижения понимания, добра, доверия. Даже лингвисты только в самое последнее время обратили внимание на информативность и полисемантическую молчания. Вместе с тем они давно отметили ущербность, явную недостаточность некоторых видов говорения. Прежде всего, сказанное справедливо о так называемом фантомном говорении [13], когда коммуникант говорит не потому, что он так на самом деле считает, а потому, что так надо, что так требует очередная социальная игра. Причем самое неприятное наступает тогда, когда говорящий и вправду начинает верить в то, что он говорит и воспринимает себя неким полномочным представителем определенного «фантома», в истинность которого он теперь уже верит.

Говорение отца Игнатия в общественной сфере, в актах его общения с прихожанами, в самих действиях богослужения было именно такого рода, т.е. фантомным. И если до смерти дочери оно возвышало его в собственных глазах, то потом ему стало казаться, что, отговорив много и долго по делу службы, «он весь день молчал» [9, с. 200]. Такое описание «службы» отца Игнатия весьма точно очерчивает и его истинное «понимание» христианства, и его суровое и гордое обхождение не только в быту, но и на службе, его завистливость и жадность, и, главное, его полное неведение о молчании как божьем слове, полное незнание молчания-слушания, молчания-терпения. Оно также в значительной мере объясняет, почему его молчание в ответ на реплики жены было столь дерогативным. Именно с такого молчания начинается рассказ и, видимо, именно оно и лежит в основе всего, что случилось в доме. Вот как он привычно общается с женой: в ответ на ее просьбу он, «не поворачивая головы... поверх очков исподлобья взглянул на попадью и смотрел долго и пристально, пока она не махнула свободной рукой и не опустилась на низенький диван» [9, с. 195]. В результате в семье отца Игнатия сформировалась ситуация, весьма напоминающая знаменитый Вавилон. Только если в случае с Вавилоном непонимание возникло из-за того, что все говорили на разных вербальных кодах, т.е. языках, в семье отца Игнатия похожая и гораздо более трагическая ситуация образовалась из-за того, что они не смогли разобраться в другом коде - молчании. Последнее их разъединило, сделало жизнь каждого из них, по словам Ольги Ивановны, мучением. «Ее душа билась, как птица в клетке», - говорит о покончившей с собой девушке горничная. Ситуация усугубляется, когда в ответ на молчание погруженной в свое главное дочери, решительно и твердо замолкает отец Игнатий, демонстрируя отстранение, гордыню, силу, т.е. весьма привычные и знакомые ему силентемы, которые (увы!) говорят о полном непонимании и незнании дочери. С ее уходом из жизни отцу Игнатию, который все-таки был любящим отцом, приходится постичь целый ряд новых и страшных для него силентем, репрезентирующих собой молчание-бездну, молчание-могила, молчание-холод.

Вавилон в семье отца Игнатия наполнен трагизмом такого накала, что кажется, что это край, воистину пропасть и стена, которую не преодолеть. Встретились - схлестнулись три молчания: молчание отца Игнатия, всю жизнь непонятное, безжалостное и страшное для его жены, молчание дочери, завершившееся смертью, однако продолжающее быть средством ее общения с отцом («Ее глаза смотрели с портрета на отца. И как ни ставил портрет отец Игнатий, глаза неотступно следили за ним, но не говорили, а молчали»). И молчание матери - немое, безысходное, «упорное, тяжелое, как свинец, и страшное-страшное» молчание-могила.

Неудивительно, что результатом такого накала отрицательных смыслов, репрезентированных в молчании, стало опять-таки молчание: «И молчал весь темный опустевший дом» [9, с. 206]. Автор не принимает ни одну из сторон, описывая каждое действующее лицо как с привлекательной, так и с менее приятной стороны. Причем отталкивающего, неприятного в отце Игнатию подмечено заметно больше. Между тем именно он в ситуации крайнего драматизма с величайшим трудом и душевными муками начинает не то чтобы постигать, а только продвигаться к возможности постижения того, что молчание значимо, что оно - целый мир, на котором окружающая действительность пытается говорить с ним. Сначала ему стало казаться, «что он слышит молчание» [9, с. 200]. Потом чудилось, что молчание дочери «страстно хотело перейти в слово». «Отец Игнатий с радостью и страхом ловил этот зарождающийся смысл, но он обрывался и уходил от него. Все опять оказывалось пустотой и бездной».

На подступах к путям, ведущим к пониманию другого, отец Игнатий производит ревизию своей жизни. Его фразы о своей правоте звучат, казалось бы, уверенно. Ему чудится, что он прав. Однако немолчимое молчание не удовлетворено и требует дальнейшей работы ума и сердца. Вынужденно приводя все новые доводы в свою защиту и перед самим собой, и богом, отец Игнатий раскрывается в значительной полноте. Говоря лингвистическим языком, семантическое пространство его личности оказывается весьма четко очерченным. И приходится ужаснуться куцести этого пространства, его отдаленности от христианства, которое он проповедует. Воистину, бездна оказалась в душе отца Игнатия; видимо, она и привела к тому, что его молчание в быту оказалось исключительно негативным. Молчанием-гордыней, молчанием-высокомерием, молчанием-отказом в общении, молчанием-отчуждением, а в конечном итоге - молчанием-изоляция. Может быть, также и поэтому не смогла пробиться к нему его любимая в молодости веселый разговор жена. Может быть, поэтому возникла одна из мощных стен-блокировок в той Вавилонской башне, которая в итоге столь разъединила их всех не только друг с другом, но и с миром.

В этой бездне, однако, очевидны и проблемские, ведущие к спасению. Отец Игнатий начинает слушать, овладевать не свойственным ему ранее видом действий, а именно молчанием-слушанием. Представляется, что для него все-таки остается какой-то шанс. Услышать, хотя бы постфактум, и свою дочь, и жену, и себя подлинного, и, возможно, бога. И обрести код молчания во всем богатстве его положительных силентем. И таким образом обрести полноту того инобытия, которую он, т.е. код молчания, так же как и вербальный язык, позволяет обрести.

Финал, как и весь рассказ, очерчен ярко и вместе с тем весьма лаконично, максимально лишен авторских комментариев происходящих событий, что только усиливает общую картину Вавилонского непонимания и безысходности, мощи и, одновременно, тайны и сложности молчания. Пойдет ли отец Игнатий по пути к своему спасению, которое оказывается связанным с постижением молчания? Дух захватывает от сложности этого пути. Самого трудного, который только может пройти человек - пути преодоления себя. В рассказе нет ответа. Нет даже вопроса. Есть только презентация проблемы. Не только в отношении дальнейшего пути отца Игнатия, но и относительно главного, истинного героя рассказа и ее центральной message - феномена молчания. Ведь это о нем писатель побуждает задуматься с помощью всех доступных ему средств - яркого и точного языка, сюжета, проецируемого им мира.

«Каков художник погиб в этом человеке!» - говорил М. Горький еще при жизни Леонида Андреева, имея в виду, конечно, прекрасный язык писателя и соотнося слово «погиб» прежде всего с теми проблемами, безднами и столпотворениями, которые, как казалось М. Горькому, не сочетаются с русским менталитетом и не соответствуют свойственной ему склонности к реализму [14, с. 593 - 594]. Не вступая в полемику с М. Горьким по поводу сущности реализма, хотелось бы, тем не менее, отметить абсолютную достоверность Л. Андреева в описании, как теперь выясняется, весьма типичных разновидностей молчания. Достоверность настолько точную, что вооруженный значительными фактическими данными и многими теориями современный социолингвист не может предъявить сколько-нибудь обоснованных претензий автору. Остается только удивляться, каким образом писатель, не располагавший никакими данными о молчании, полученными лингвистами буквально в течение последнего десятилетия, смог представить его столь правдиво и глубоко, не ошибаясь, практически, ни в одном нюансе, включая даже ультрасовременные гендерные подробности проблемы. Более того, не просто отобразить, а заставить задуматься о природе и сущности молчания. О том, что обозначаемая данным словом сущность может быть понята как мощная полифония средств, определенный код, способный, как говорят лингвисты, структурировать личность, определять ее поведение, взгляд на мир.

Как все-таки это удастся писателю, практически не выступившему ни с какими собственными, авторскими комментариями по поводу молчания? На наш взгляд, в значительной степени ответ на данный вопрос можно получить, проанализировав обсуждаемое произведение с точки зрения теории нарратива. Ведь повествовательность (нарративность) - это не только свойство многих литературных произведений, но и фундаментальная характеристика мира, в котором мы живем [15, с. 60]. Значимость нарративноеTM становится очевидной при выявлении ее сущностных черт. Г.С. Морсон, известный своими исследованиями в области нарратива, выделяет несколько важнейших факторов повествовательноеTM [15]. Последняя невозможна, прежде всего, без смысловой и причинно-следственной связи между событиями. Наличие повествовательноеTM в «минимальной» истории, часто упоминаемой в нарратологических работах («Королева тяжело заболела, и поэтому король умер с горя»), обеспечивается с помощью причинно-следственных отношений между ее составляющими, чего не наблюдается при простом перечислении событий в предложениях, грамматически не связанных друг с другом. Однако степень повествовательности данной истории минимальна, так как в ней нет процессуальной развернутости (process), т.е. таких составляющих ее этапов, каждый из которых потенциально мог бы в будущем иметь свой вариант развития.

В обсуждаемом рассказе практически все сколько-нибудь новые повороты в повествовании очевидным образом могли бы иметь и другие варианты продолжения, а не только те, которые приводятся в рассказе. Так, на просьбу дрожащей и глубоко страдающей жены пойти к дочери отец Игнатий мог отреагировать совсем иначе. Равно, как и она на его весьма уничтожительное молчание.

Существование большего числа потенциальных возможностей по сравнению с реализованными в тексте - важная деталь повествования. Вероятные события или реакции действующих лиц ведут к образованию все большего числа потенциально возможных линий развития ситуаций. Они в итоге показывают сложность и многомерность событий и важность относительно свободного выбора действующих лиц. При этом создается так называемое напряжение неизвестности, «suspense» [15, с. 65], или «событийность», в терминологии Бахтина, в итоге способная привести к раздумьям, вызвать удивление, негодование, тревогу, начать работу сердца и мысли у читателя. Внимательный анализ рассказа убеждает, что автор все время подвигает читателя к размышлениям именно о молчании, представляя один за другим разные его линии, «смыслы», в терминологии лингвистов.

Вот весьма дерогативно молчит отец Игнатий, и вдруг мы узнаем, что «оба вы с ней (т.е. дочерью) безжалостные».

Вот опять в ответ молчит отец Игнатий, однако автор уже избегает слова «молчание», называя поведенческое действие другим словом - «задумался».

Вот молчаливое, следящее поведение жены, никак не обозначенное автором, такое «безназоунае», не имеющее словесного обозначения молчание, столь распространенное в поведении слабых, зависимых людей.

А вот уже необъяснимо молчит дочь в ответ на попытки отца начать разговор. «И впрямь безжалостная», - думает читатель. О птице в клетке он узнает позже, совершая весьма ощутимые коррекции в той карте событий, которую он создает, читая рассказ.

Напряжение, как известно, связано с так называемой «алертностью», вниманием к мельчайшим аспектам разворачивающегося момента, без которого невозможно представить все потенциально возможные событийные линии. Детали в рассказе восхитительные. Чего стоят «исподлобья...» смотрел «долго и пристально», ее лицо исказилось «гримасой боли и ожесточения», «заискивающий робкий голос» [9, с. 195] и т.п. Они - как реляции с поля боя, с самого начала весьма однозначно направляющие выбор читателя.

Успешна также апелляция автора к опыту читателя, его памяти о сходных событиях, позволяющих ориентироваться в ситуациях, зависящих от вероятности. Однако какие бы детали не приводились, какой бы опыт не привлекался, все отсылается к молчанию - его сложности, силе, энергии, многоликости. В молчании оказался погруженным весь мир. В итоге рассказ действительно приглашает к раздумьям о коде молчания и человеке, его использующем. И об опасностях, подстерегающих его при «нарушении правил». И хотя рассказ не дает рекомендаций и не формирует моральное правило, он весьма эффективен. Ибо предупреждает, причем задолго до того, как молчание стало предметом пристального рассмотрения лингвистов, психологов, историков, философов. Остается только поблагодарить автора за глубокое исследование, за точное обозначение проблемы и приглашение к действию (и чисто житейскому, поведенческому, и исследовательскому как со стороны писателей, литературоведов, так и лингвистов, психологов, философов).

Рассказ Л. Андреева - важная веха на пути постижения феномена молчания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. - М.: Касталь, 1996.
2. Spender D. Man Made Language: - London: Routledge and Kegan Paul, 1980.
3. Putrova M. Cross-Cultural Study of Silence as a Sign of Gender//American Studies. - Minsk: EHU Press, 2001.-P. 381 - 385.
4. Sifianon M. Do we need to be silent to be extremely polite? Silence and FTAS//International Journal of Applied Linguistics. - 1955. - No 5:1. - P. 95 - 110.
5. Bol H. Doktor Murkes gesammetes Schweigen und andere Satiren. Cologne: Kieperheuer und Witsch, 1963.
6. Токарева В. Этот лучший из миров. - М.: Act, 1999.
7. Barker L. Marking Happiness. - San Diego: Universum, 2002.
8. Соколов Т.В. Молчание как нулевой концепт ассоциативного тезауруса детства // Семантика слова, образа, текста. - Архангельск: Изд-во Приморского ун-та, 1998. - С. 34 - 39.
9. Андреев Л. Молчание // Собр. соч.: В 6-ти т. Т. 1. - М.: Худ. лит., 1990. - С. 195 -205.
10. Вересаев В.В. Собр. соч. в четырех томах, Т. 3. - М.: Худ. лит., 1985.
11. Бунин И. Я все молчу//Рассказы. - Петербург, 1913.
12. Путрова М.Д. Гендерный аспект молчания. - Мн.: МГЛУ, 2001. - С. 81 - 85.
13. Норманн Б.Ю. Проблема «язык - словарь - текст» // Вестник Бел. дзярж. ун-та. Сер. 4. - 2001. - №2.-С. 47-53.
14. Литературное наследство. Т. 72: Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка. - М., 1965.
15. Morson G.S. Narrativeness // New Literary History. - Baltimore, 2003. - № 31. - P. 59 - 74.